

Малева Анастасия Валерьевна

СОВРЕМЕННАЯ ЖЕНСКАЯ КОМИ ПОЭЗИЯ: ОСОБЕННОСТИ ОППОЗИЦИИ "СВОЙ/ЧУЖОЙ" В АСПЕКТЕ ДВОЕМИРИЯ "МАЛАЯ РОДИНА/ГОРОД"

Женская лирика – значимое явление в современной коми поэзии. В статье впервые рассматриваются особенности художественной реализации архетипической оппозиции "свой/чужой" в аспекте двоемирия "малая родина/ город". Специфика данного явления позволяет выявить своеобразие образа лирической героини, в основе которого – мироощущение современника периода порубежья.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2013/4-1/30.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 4 (22): в 2-х ч. Ч. I. С. 107-110. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2013/4-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

УДК 821.511.132-14

Филологические науки

Женская лирика – значимое явление в современной коми поэзии. В статье впервые рассматриваются особенности художественной реализации архетипической оппозиции «свой/чужой» в аспекте двоемирия «малая родина/ город». Специфика данного явления позволяет выявить своеобразие образа лирической героини, в основе которого – мироощущение современника периода порубежья.

Ключевые слова и фразы: современная поэзия; женская лирика; лирическая героиня; двоемирие; образ города и села.

Малева Анастасия Валерьевна

*Коми научный центр Урального отделения Российской Академии наук
malana84@mail.ru*

СОВРЕМЕННАЯ ЖЕНСКАЯ КОМИ ПОЭЗИЯ: ОСОБЕННОСТИ ОППОЗИЦИИ «СВОЙ/ЧУЖОЙ» В АСПЕКТЕ ДВОЕМИРИЯ «МАЛАЯ РОДИНА/ГОРОД»[©]

Публикация подготовлена в рамках проекта программ Президиума РАН № 12 – П – 6 – 1013 «Опыт развития коми литературы: творческая индивидуальность и художественный процесс».

Период конца XX – начала XXI в. отмечен активным развитием женской коми поэзии: ряд, представленный известными коми поэтессами А. Мишариной, Г. Бутыревой, пополняют другие талантливые авторы, среди которых есть переживающие к настоящему моменту творческую зрелость (Н. Обрезкова, А. Елфимова, А. Ельцова, Е. Афанасьева, Р. Куклина) и те, кто завоевывает популярность (Н. Палова, Л. Втюрина (Зарни Люся), Ан. Шомысова, А. Шомысова, Л. Ануфриева, О. Баженова, А. Мальцева и др). Картина мира, воссозданная в произведениях поэтесс, отражает особенности мировоззрения современника, переживающего сложный период порубежья: «если лирика создает характер, то не столько “частный”, единичный, сколько эпохальный, исторический, тот типовой образ современника, который вырабатывают большие движения культуры» [2, с. 7].

Двоемирие в аспекте «малая родина/город» достаточно актуальное явление в творчестве коми писателей, большинство из которых родом из села. Данное топонимическое деление, организующее жизненное пространство лирической героини, художественно воссоздает извечную, архетипическую оппозицию «свой/чужой», которая была представлена уже в лирике основоположника коми литературы И. А. Куратова (см. ст. «Грездса ныв карса баринлы» – «Деревенская девушка городскому барину», 1862 [4, с. 38]): «как механизмы культуры в целом, так и поведение отдельного человека часто связаны с определенными архетипами. Например, древнейшая оппозиция “свой-чужой”, имеющая космогонический характер (Космос-Хаос), оказывала влияние и на доисторического человека, и на человека эпохи Средневековья, и на наших современников» [8]. Как справедливо отмечает исследователь Л. А. Софронова, в условиях меняющегося общества человек (в нашем случае автор) в процессе познания мира «занят поисками социальной, национальной, конфессиональной, психологической, гендерной идентичности» [10, с. 8]. Явление оппозиции «малая родина/город», на наш взгляд, отражает самоидентификацию автора, прежде всего, в национально-социальном ключе. Пожалуй, именно в ракурсе данного топонимического деления лирическая героиня оказывается наиболее близкой биографическому автору, раскрывая в большинстве случаев глубоко драматичный характер своего внутреннего мира. Цель данной работы – выявить специфику образов села и города, а также их соотношение в женской коми лирике.

Ситуация деления жизненного пространства героини на две части приводит к душевным противоречиям в ее отношениях с миром: вынужденная в силу социально-общественных условий жить в городе, героиня, тем не менее, «живет мыслями» о селе. При этом следует заметить, что степень внутреннего конфликта героини различна в лирике коми поэтесс, а потому антитеза как основной прием создания данной оппозиции, выполняет различную функцию в поэтическом тексте. Так, в лирике ранней А. Мишариной сопоставление города и села выполняет не столько функцию противопоставления, сколько единения и примирения, раскрывая целостность внутреннего мира лирической героини с ее потребностью объединять и гармонизировать все в окружающем ее мире, находить светлую частицу в любом его проявлении: «Карыс уна бурсо меным сетіс...» – «Город был со мной приветлив...» [5, с. 44].

Мем карыс – юр весът шонді,
Тэ менам – кок ув му.
(«Эн шогсы, чужан сиктöй...» [Там же, с. 45] -

Город для меня – солнце над головой,
Ты же для меня – земля под ногами.
«Не печалься, мое родное село...».)
(Здесь и далее перевод подстрочный, наш. – А. М.)

Показательно в этом отношении стихотворение поэтессы «Медым ывлаыс кö букыд...» («Даже если на улице пасмурно...») [Там же, с. 35], в котором хмурый и серый городской пейзаж не противопоставляется солнечной деревне и не вызывает ощущение дисгармонии в душе героини. Невзрачность внешнего облика

городского пространства (в данном случае плохая погода) не становится причиной для конфликтной ситуации. Героиня не находит в климатических и других внешних особенностях города причины для его порицания в сравнении с горячо любимым ею родным селом, а потому образ Сыктывкара не приобретает в лирике поэтессы черты антагонистического пространства: он так же характеризуется, как «горт» («дом»), «ас» («свой»), в то время как в лирике современных авторов устойчива тенденция его противопоставления малой родине.

Внутренний мир лирической героини Ан. Шомысовой, Н. Павловой и Л. Втюриной, на первый взгляд, также характеризуется адаптированностью, приспособленностью к вынужденным условиям жизни: конфликта двух пространств – села и города – как такового для них не существует. Героиня же Н. Обрезковой, А. Ельцовой, А. Мальцевой испытывает обостренное чувство вины и ответственности перед малой родиной: это чувство собственной оторванности от корней и при этом неполное «слияние» с городским образом жизни и «городским» восприятием мира, ощущение себя в нем чужой. Подобное «зависание» между пространствами формирует особый – драматичный – характер образа лирической героини, который находит выражение в ее инстинктивном поиске родственных очертаний за пределами как малой, так и большой родины (Н. Обрезкова «Коть кытчö ог мун...» – «Куда хоть ни отправься...», «Ылі сиктын...» – «В далеком селе...» [6, с. 14, 15]). «Перевес» в выборе в сторону малой родины также выражен и в доминирующем характере изображения малой родины в сравнении с образом города. При этом героине коми лирики присуща идеализация и романтизация сельского мира. Так, ягода черемухи у отчего дома героини Н. Обрезковой самая вкусная, малая родина героини Н. Павловой мифологизирована и идеализирована: она вызывает ассоциации с древней сказочной страной, земным раем, в котором природа дышит небывалой красотой и плодородием, пропитана божьим благословением и мудростью предков. Сакральность образа отражена в ощущении его первобытности, древности, в описаниях, полных сказочных и мифологических образов-деталей, и даже в космогоничности: малая родина в сознании героини становится центром земли («Лов лэптанін» – «Место, окрыляющее душу» [9, л.б. 4]).

Образ села в современной женской коми лирике пропитан субъективным авторским мировидением и пропущен сквозь призму личной жизни героини и ценных для нее воспоминаний о детстве и юности. Утомленная многочисленными жизненными дорогами героиня Н. Обрезковой («Гортö воа да ва дорö лэчча...» – «Домой приеду и спущусь к реке...») [7, с. 1] по приезде на малую родину не только обретает чувство желанного покоя от физической и душевной усталости, гармонии с собственной душой и окружающим миром, но и, в силу обостренного восприятия общественных проблем, проникается бедами сел, неявными текстовыми средствами подводит читателя к проблеме их угасания («кулöм сикт») как в экологическом отношении, так и количественном отношении ее жителей. Стонущие земли, рыдающие сосны, засыхающая река, кресты на сельском кладбище, гибель не пожилых еще и вполне дееспособных сельских мужчин – проблема, в основе которой, по мнению ее героини, – человеческий фактор: потребительское отношение к природе, равнодушие к внутреннему миру другого человека и к духовно-нравственному развитию собственного. Образ малой родины в лирике Н. Обрезковой лишен отличающих поэзию Ан. Шомысовой, Н. Павловой, А. Мальцевой восхищения и любования родным селом, но пронизан глубинным, открыто не выраженным чувством любви, выявляемым в большей степени в выборе поднимаемых героиней тем и проблем, а также через ее осязательные и обонятельные ощущения (нега в постели отчего дома, звуки и запахи натопленной мамой печи), нежели в непосредственных исповедальных излияниях. Город же для героини Н. Обрезковой – локализация динамики, импульсивности, суеты, долгих и утомительных дорог – это средоточие ее современной жизни: холодной, бессмысленной, неопределенной. Городу поэтессы присущ «мутный», «призрачный» взгляд на мир, в основе которого – заблуждения и духовная слепота. Пространство города тесно и безжизненно для человека, выросшего на лоне природы и воспитанного в традициях сельского образа жизни, а потому удобствам городской жизни лирическая героиня предпочитает природную простоту сельского уклада.

Периодические, временные приезды на малую родину героини молодой коми поэтессы Ан. Шомысовой – источник ее вдохновения и возвышенных чувств: он вызывает в ее душе поток эмоций, прилив физических и душевных сил и формирует преувеличенное восприятие мира и собственных возможностей: героиня готова обойти леса и горы («Помöсдін» – «Помоздино», «Ме пукси пыжö, но эг кылав...» – «Я села в лодку, но не поплыла...» [11, л.б. 9, 37]). Образ малой родины поэтессы чаще ретроспективен: он выхвачен из потока многочисленных и разнообразных объектов воспоминаний. Ретроспективный образ села представлен как символ частички утерянного героиней счастья, вновь обретаемого в моменты редких, но долгожданных приездов:

Дона му! Муса му! Тані бара...
Тані выльысь ме шудаён лоа.
(«Паныд петöй ті няньён да солён...» [Там же, л.б. 13])

Дорогая земля! Милая земля! Опять я здесь...
Здесь я вновь становлюсь счастливой.
(«Выйдите навстречу вы с хлебом и солью...»)

«Видимая» адаптированность героини Л. Втюриной к городскому пространству выражена в смысловой противоречивости образа города: содержание оппозиции «город-село» двойственно в лирике поэтессы и неоднозначно. С одной стороны, оппозиция лишена острого контраста: облик родины в лирике Л. Втюриной

мозаичен и многослоен, т.к. включает в себя малую родину самой героини, ее родителей («Мамлӧн чужанін» – «Родина мамы» [1, л.б. 19]), а также столицу коми края («Тэ меным муса, Сыктывкар» – «Ты мил мне, Сыктывкар» [Там же, л.б. 18]). С другой стороны, малая родина для нее – средоточие подлинной жизни – истинных эмоций, прикосновений, обоняний, душевной и физической силы («Чужан сиктӧ ветлі» – «Ездил в родное село», «Тулыс» – «Весна» [Там же, л.б. 11]). Городское же характеризуется как тесное, суетное, пустое, унылое и бессмысленное: она не видит гармонии даже в его «природном облике»:

Куварканьяс корсьоны ёгысь кынӧмпӧт. Вензьоны да ноксьбы...	Вороны ищут пропитание в мусоре. Пререкаются и возятся...
(«Бара карса асылыс...» [Там же, л.б. 44])	(«Опять городское утро...»)

Невозможность лирической героини А. Ельцовой объединить село и город как два жизненно необходимых пространства вызывает у нее ощущение внутренней дисгармонии: с приятием одного из них героиня лишается атмосферы и своеобразия другого. Чувство вины перед малой родиной тяготит героиню поэтессы и подводит к частому оправданию собственного уезда в город:

Эн вай чӧв ов, мыйкӧ сӧмын шу, Гӧгӧрво тэ лоӧмторлысь колӧм. Эскы, абу медводдзаыс ме, Ӧд быд лэбач кольӧ асьыс позсӧ...	Не молчи, давай, скажи хоть что-нибудь, И пойми ты значимость события. Ты поверь, что я не первая, Ведь любая птица покидает свое гнездо...
(«Шуда колян, чужанін» [3, л.б. 15])	(«Счастливо оставаться, родина»)

Преодоление героиней коми лирики любых препятствий на пути к отчужденному дому вызывает ассоциации с архетипическим мотивом сказки, в которой герой преодолевает все сложности пути по направлению к тридевятому царству, олицетворяющему его счастье: «Ме локті, чужанінӧй, ме эг вунӧд. / Ме келі нйит и вуджи зыбуч нюр. / Ме корси тэнӧ сясь, кӧн муыс уна, / А донаджыкӧс тэысь, эз и сюр» (А. Ельцова «Ме муні гортӧ» [Там же, л.б. 7]) – «Я приехала, родина моя малая, я не забыла. / Я месила ногами грязь и переходила зыбкие болота. / Я искала тебя там, в разных многочисленных краях, / Но дорожке тебя так и не нашлась» («Я шла домой»). В целом в женской коми лирике образ малой родины воплощает безвозвратно утраченную гармонию, вызывая ассоциации с далекой сказочной страной, обратный путь в которую навсегда утрачен. Ее облик в женской коми лирике сформирован образным триединством: образом отчего дома, сельской северной природы и воспоминаниями о детстве.

Итак, целостность национальной идентичности героини коми лирики оказывается в некотором смысле нарушенной, «разорванной» на две части: мы наблюдаем ее ощущение отвергнутости малой родиной и неслиянности с городским образом жизни – непреодолимая тяга к корням присутствует даже в лирике тех поэтесс, которые стремятся к единению обоих пространств. На наш взгляд, конфликт «свое/чужое» в аспекте «малая родина/город» обусловлен нарушением традиционного – синкретического в основе – мировосприятия, сосредоточенного в пределах сельского мира и заменой его односторонним – сугубо рациональным, – представленным в облике города, в котором материальное, телесное занимает доминирующую позицию над духовным. Ломка, крушение прежнего мира, сосредоточенного в пространстве малой родины и необходимость освоения другого, изначально чуждого коми человеку мира – городского, – вызывает драматическую расщепленность и фрагментарность сознания и жизненного пространства лирической героини, которой, несмотря на все усилия, не всегда удается объединить и «примирить» внутри себя оба пространства. Внутренний конфликт имеет в основе более глубокий смысл: лирика поэтесс воссоздает нарушение преемственной взаимосвязи между поколениями, выраженное в забвении народных традиций – уезжая в город, осваивая его образ жизни, «человек природы» забывает традиции не только родного села, но и родного народа. Меняя свою идентичность, он теряет самого себя, а потому боль и тоска по прошлому – неизменные составляющие мироощущения лирической героини коми лирики.

Список литературы

1. Втюрина Л. З. Шоньд дяс: кывбурьяс. Сыктывкар: Коми небӧг лэдзанін, 2006. 48 л.б.
2. Гинзбург Л. О лирике. М.: Интрада, 1974. 408 с.
3. Ельцова Е. В. Касьяна во. Кывбурьяс. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1997. 80 л.б.
4. Куратов И. Менам муза. Художественной гижӧд чукӧр. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1979. 608 с.
5. Мишарина А. П. Тэ менам – кок ув му // Мишарина А. П., Напалков В. Е., Некрасов А. В. Куим сьланкыв. Кывбурьяс. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1977. С. 7-45.
6. Обрезкова Н. Дзирыд дой. Сыктывкар: ООО «Издательство “Кола”», 2007. 80 с.
7. Обрезкова Н. А. Коркӧ ставыс лоӧ бу: Кывбурьяс. Сыктывкар: Коми небӧг лэдзанін, 2001. 32 л.б.
8. Оппозиция «свой/чужой» в культуре [Электронный ресурс]: Энциклопедия культуры. URL: <http://ec-dejavu.ru/c/Chuzoy.html> (дата обращения: 01.11.2012).
9. Павлова Н. М. Шондӧ асьв! Кывбурьяс. Сыктывкар: Коми небӧг лэдзанін, 2006. 48 л.б.
10. Софронова Л. А. О проблемах идентичности // Культура сквозь призму идентичности. М.: Индрик, 2006. С. 8-24.
11. Шомысова А. А. Зэрӧм бӧрын: кывбурьяс. Сыктывкар: Коми небӧг лэдзанін, 2006. 48 л.б.

**MODERN KOMI WOMEN'S POETRY: FEATURES OF OPPOSITION "FRIEND/FOE"
IN ASPECT OF TWO-WORLDNESS "SMALL HOMELAND/TOWN"**

Maleva Anastasiya Valer'evna

*Komi Scientific Centre of Ural Division of Russian Academy of Sciences
malana84@mail.ru*

Women's lyric poetry is a significant phenomenon in modern Komi poetry. The author for the first time considers the features of artistic realization of archetypal opposition "friend/foe" in the aspect of two-worldness "small homeland/town". The specificity of this phenomenon reveals the originality of lyrical heroine's image, which is based on the outlook of a contemporary of the period at the turn of the centuries.

Key words and phrases: modern poetry; women's lyric poetry; lyrical heroine; two-worldness; image of city and village.

УДК 8/81

Филологические науки

В статье дается сравнительный анализ фразеологических единиц со стержневым глаголом движения в разносистемных языках. Сравнение фразеологических оборотов со стержневым глаголом движения в азербайджанском и английском языках показало, что в обоих языках имеются единицы, схожие как по семантике, так и по структуре. Следует отметить, что они образовались самостоятельно в процессе своего независимого развития.

Ключевые слова и фразы: идентичность; семантика; структура; разносистемные языки; глаголы движения; фразеологические единицы; сравнительный анализ.

Мансимзаде Севиндж Акиф

*Национальная академия наук Азербайджана
sevindgemansimzadeh@gmail.com*

**ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ СО СТЕРЖНЕВЫМ ГЛАГОЛОМ ДВИЖЕНИЯ
В АЗЕРБАЙДЖАНСКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ** ©

Насколько яркими и разными являются фразеологические единицы в азербайджанском языке, настолько и разноплановым является их исследование. Впервые в азербайджанском языке их исследовал М. Гусейнзаде. В книге «Современный азербайджанский язык», опубликованной в 1954 году, он дал информацию о фразеологических единицах, придя к выводу о том, что они (*фразеологические единицы* – С. М.) отражают особенности национального колорита, и, в связи с этим, они не могут быть точно переведены [5]. Фразеологические единицы в азербайджанском языке после М. Гусейнзаде были исследованы С. Джафаровым.

Выводы и результаты научных исследований азербайджанского лингвиста профессора С. Джафарова были отражены в книге «Современный азербайджанский язык», где автор приходит к выводу, что все устойчивые сочетания образовались от грамматических словосочетаний, и основными особенностями фразеологизма являются образность и устойчивость структурного состава. В то же время он показал, что устойчивые словосочетания не могут быть переведены на другие языки, и они выражают одну единственную мысль [7; 8].

Особенно должна быть отмечена роль проф. Г. Байрамова в области исследования фразеологических единиц в азербайджанском языке. В итоге ученый-лингвист пришел к выводу, что история употребления фразеологических единиц в азербайджанском языке берет свое начало с еще более древних времен описания орхоно-енисейских памятников, до формирования азербайджанского языка как независимого [1, с. 27-28].

Докторская диссертация Махаббат Мирзалиевой «Теоретические проблемы фразеологии тюркских языков» является фундаментальной работой в исследовании фразеологических единиц в тюркских языках. Как особый фактор фразеологических единиц М. Мирзалиева показывает: 1) образность; 2) замкнутость структурного состава; 3) семантическую целостность; 4) неспособность дословного перевода состава, то есть слово за словом [13, с. 19-21]. Исследование этой темы, то есть теоретических проблем тюркских языков, было продолжено М. Мирзалиевой в монографии «Фразеология тюркских языков». Она доказывает существование фразеологических единиц как в уровне единого слова, так и в уровне текста [14].

Азербайджанская фразеология была исследована С. А. Джафаровым [6-8], Курбановым А. [9-11], Гасановым Г. [3-4] и другими лингвистами. В азербайджанской лингвистике интерес к фразеологии велик. Молодые лингвисты исследуют фразеологию разных тюркских языков. Г. Ч. Махмудова, Г. Р. Исаева исследовали фразеологию кыпчакской и карлукской группы тюркских языков. Эти работы значительны не только в азербайджанской лингвистике, но и в тюркологии в целом. Фразеология тюркских языков кыпчакской и карлукской группы в комплексном виде исследована впервые [9; 12].